

Василий Братошич
и его сокровища.
Социальные
стратегии, память
и забвение
в Великом княжестве
Литовском первой
половины XV века*

Vasily Bratoshych
and his Treasure.
Social Strategies,
Memory and
Oblivion in the Grand
Duchy of Lithuania
in the First Half of
the 15th Century

Сергей Владимирович
Полехов

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при
Президенте РФ,
Москва, Россия

Sergey V. Polekhov

The Russian Presidential Academy
of National Economy and Public
Administration,
Moscow, Russia

* Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

За помощь в работе над статьей приношу благодарность Ю. Л. Борейше, Е. В. Власовцу, Н. А. Волкову, А. И. Грищенко, А. И. Груше, В. П. Гулевицу, С. Г. Жемайтису, Д. В. Каштанову, М. Г. Крамаровскому, Д. С. Крылову, Вяч. С. Кулешову, О. В. Лицкевичу, С. М. Михееву, Н. А. Плавинскому, А. С. Преображенскому, П. А. Скурко, И. А. Стерлиговой, А. А. Турилову, а также всем участникам обсуждения докладов по теме статьи на семинаре «Великое княжество

Цитирование: Полехов С. В. Василий Братошич и его сокровища. Социальные стратегии, память и забвение в Великом княжестве Литовском первой половины XV века // *Slověne*. 2025. Т. 14, № 2. С. 56–83.

Citation: Polekhov S. V. (2025) Vasily Bratoshych and his Treasure. Social Strategies, Memory and Oblivion in the Grand Duchy of Lithuania in the First Half of the 15th Century. *Slověne*, Vol. 14, № 2, p. 56–83.

DOI: 10.31168/2305-6754.2025.2.03

Резюме

В статье рассматривается принадлежность клада первой половины XV в., обнаруженного у дер. Литва Молодечненского р-на Минской обл. Республики Беларусь, в состав которого входил драгоценный поясной набор, известный под условным названием «пояс Витовта» и хранящийся ныне в Национальном историческом музее Республики Беларусь. Новые данные позволили установить, что к тому же комплексу принадлежали еще один поясной набор и три серебряных ковша — два с именами пана Василия Братошича и один с именем его жены княгини Ульяны, ныне хранящиеся в частной коллекции. Сопоставление с письменными источниками позволило заключить, что клад был сокрыт в конце 1432 г., после того как великий князь литовский Сигизмунд Кейстутович вернул себе власть над Кревским замком, который его староста Василий Братошич незадолго до этого передал князю Свидригайлу Ольгердовичу, боровшемуся за власть с Сигизмундом. Идентификация владельца клада не только проливает свет на структуру богатств знатного рода, представленных движимым имуществом (драгоценностями), но и позволяет охарактеризовать социальные стратегии Василия Братошича — представителя нетитулованного, но знатного и влиятельного православного рода Великого княжества Литовского. Его брак с православной княжной был призван сохранить и повысить его статус без перехода в католицизм. Несмотря на манифестацию принадлежности Василия к роду потомков Братоши в надписях на ковшах, родовое единство оказалось поколебленным в условиях династической войны 30-х гг. XV в., что сказалось на судьбе клада.

Ключевые слова

«пояса Витовта», Великое княжество Литовское, ковши, клады, Крево, Василий Братошич, Свидригайло, Сигизмунд Кейстутович

Abstract

The paper deals with the provenance of a hoard from the first half of the 15th century, discovered near the village Litva in the Maladzyechna district of the Minsk region in Belarus. The hoard included a precious belt set, known under the conventional name “Vytautas’ Belt”, which is now stored in the National Historical Museum of the Republic of Belarus. New data allowed establishing that the same hoard also included another belt set and three silver bowls—two inscribed with the names of *Pan* (Lord) Vasily Bratoshich and one with the name of his wife, Princess Ulyana. They are currently kept in a private collection. Comparing these findings with written sources suggests that the hoard was concealed at the end of 1432, after Grand Duke of Lithuania Žygimantas Kęstutaitis regained control of Kreva castle, which had been transferred shortly before by its lieutenant Vasily Bratoshich to Grand Duke Švitrigaila Algirdaitis, who was struggling for power with Žygimantas. The identification of the hoard’s owner not only sheds light on the wealth structure of the

Литовское в истории Беларуси» при Белорусском институте в Праге (онлайн, 1 ноября 2023 г.), на научных конференциях «Русь, Россия: Средневековье и Новое время. VII Чтения памяти академика РАН Л. В. Милова» (Москва – Владимир – Суздаль, 15–17 ноября 2023 г.) и «Эпиграфические итоги 2023 года» (Москва, 19 декабря 2023 г.).

noble family, represented by movable property (jewelry), but also allows us to characterize Vasily Bratoshich's social strategy—a member of an untitled but noble and influential Orthodox kinship of the Grand Duchy of Lithuania. His marriage to an Orthodox princess was aimed at maintaining and elevating his status without converting to Catholicism. Despite inscriptions on the bowls indicating Vasily's affiliation with the Bratoshich descendants, the kinship unity was unsettled during the dynastic war of the 1430s, which influenced the fate of the hoard.

Keywords

“Vytautas’ belts”, Grand Duchy of Lithuania, silver bowls, hoards, Kreva, Vasily Bratoshych, Švitrigaila, Žygimantas Kęstutaitis

В материальной культуре Великого княжества Литовского XIV–XV вв., небогатой яркими предметами, поистине уникальное место занимает драгоценный поясной набор, за которым закрепилось условное название «пояс Витовта» — красивое и эффектное, но, как будет показано ниже, не имеющее ничего общего с действительностью. Этот поясной набор был найден в составе денежно-вещевого клада, обнаруженного при сельскохозяйственных работах на пахотном поле между дер. Литва и Полочаны (ныне — в Молодечненском районе Минской обл. Республики Беларусь) в начале 1990-х гг., и, хотя существенная часть клада, оказавшегося на антикварном рынке, попала в частные руки, две его части — указанный поясной набор и комплекс пражских грошей — удалось оставить в Беларуси. В итоге поясной набор попал в Национальный исторический музей Республики Беларусь, где экспонируется ныне. К тому же кладу принадлежали предметы, поступившие в Минский областной краеведческий музей в г. Молодечно. На это указывает хронологическая близость их сдачи в музей (февраль 1994 г.) и появления информации о поясном наборе (октябрь 1994 г.), а самое главное — серебряный ободок, соединявший пластины блях пояса. Частью того же клада были пражские гроши, составлявшие основу денежного обращения Великого княжества Литовского в XV в., — всего 144 шт. [Дудко 2023: 48–49]. Широкою известность приобрел большой клад пражских грошей, обнаруженный на том же поле в 2002 г. [Рябцевич 2007]. Согласно данным, которые недавно уточнила О. В. Дудко, этот клад включал «не менее 6210 пражских грошей, не менее 9 серебряных литовских “трехгранных” слитков — полтин. В состав комплекса также могли входить 4 полтины и 1 рубль из частной коллекции» [Дудко 2023: 44]. О. В. Дудко приводит аргументы в пользу того, что это был отдельный клад: сохранились части его металлической упаковки — по-видимому, сосуда, в котором он был спрятан. Монеты этого клада имеют следы взаимодействия с железом, медью и оловом, тогда как пражские гроши

из фондов Минского областного краеведческого музея лишены таких следов [Дудко 2023: 46]¹. В обоихкладах преобладают пражские гроши кутногорской чеканки Вацлава IV (1378–1419) и гуситов (1419–1423), что указывает на их сокрытие в третьем или четвертом десятилетии XV в. На мой взгляд, чрезвычайная близость состава двух комплексов, выделяемых О. В. Дудко, и мест их обнаружения заставляет думать, что их сокрытие было по меньшей мере взаимосвязанным, а может быть, они действительно принадлежали к одному кладу.

Через некоторое время после находки первого поясного набора выяснилось, что в составе клада был как минимум еще один поясной набор, который в конечном счете попал в собрание В. В. Царенкова (Лондон), где и хранится ныне. Известны 15 предметов гарнитуры «минского» поясного набора: пряжка, наконечник, две прямоугольные бляшки, две большие бляхи с фестончатым краем и девять круглых блях. Все они выполнены из серебра в технике чеканки, позолочены и украшены гравированными и черненными изображениями, характерными для восточной традиции, тогда как пряжка находит стилистические аналоги в позднеготических произведениях Центральной Европы и Ломбардии. «Лондонский» поясной набор, о котором доступно меньше сведений, состоял из блях тех же типов, а отличает его фигурная пряжка, более характерная для восточных поясов, чем прямоугольные пряжки «минского» поясного набора (фотографии пряжки и блях «лондонского» поясного набора см. рис. 10–12). Очевидно, бляхи крепились заклепками на достаточно длинную полоску из кожи или очень плотной ткани². Наиболее полное описание и стилистический анализ «минского» поясного набора дал М. Г. Крамаровский [Крамаровский 2001: 126–129; Крамаровский 2010: 137–141; Золотая Орда 2019: 394–396, кат. 300], он же коснулся, по необходимости кратко, «лондонского» поясного набора, известного ему лишь по фотографиям [Крамаровский 2010: 139].

Подчеркну, что название «пояс Витовта» — условное, основанное на убежденности, что такой драгоценный поясной набор вряд ли мог принадлежать кому-либо, кроме великого князя литовского. Но мало

¹ О двух кладах пишет и Ш. И. Бектинеев, приводя иное количество монет, платежных слитков и драгоценных предметов [Бектинеев 2014: 405]. Подробный перечень литературы и сообщений прессы о кладах из дер. Литва см.: [Лицкевич 2014: 110–112]. Об истории обнаружения кладов и их последующей судьбе см.: [Лицкевич 2007; Дудко 2023: 48–50].

² Описания элементов поясных наборов из коллекции В. В. Царенкова (инв. № ДРС-88–ДРС-105), любезно предоставленные мне И. А. Стерлиговой, не позволяют уверенно заключить, какие из них происходят из рассматриваемого клада. Возможно, они принадлежали как минимум к трем поясным наборам, судя по наличию среди них трех пар пряжек (инв. № ДРС-88 и ДРС-89; ДРС-91 и ДРС-97; ДРС-101 и ДРС-102). На некоторых из этих элементов сохранились остатки кожи, а на других — ткани.

ответить на вопрос, кто мог быть владельцем сокровищ; следует определить, когда и почему они были спрятаны. В литературе выдвигалось несколько гипотез о принадлежности, времени и обстоятельствах сокрытия клада; все они, как будет показано ниже, неубедительны. В настоящей работе будут привлечены новые, более полные данные о составе клада у дер. Литва, которые позволят более обоснованно установить, когда и кем были спрятаны сокровища, а также вписать их в контекст социальной истории, что позволит приблизиться к ответу на вопрос, почему они так и не были извлечены из земли их владельцами.

Принадлежность клада у дер. Литва: гипотезы исследователей

Рассмотрим высказанные в литературе гипотезы о владельце сокровищ, спрятанных у дер. Литва, и времени их сокрытия:

1. Витовт (В. Н. Рябцевич). Согласно этой гипотезе, великий князь литовский Витовт мог получить пояс в дар от татарской делегации, а клад был сокрыт после его смерти, в 30-е гг. XV в. [Рябцевич 2007; Рябцевич 2009]. В части происхождения поясных наборов эту гипотезу развил М. Г. Крамаровский, который привел аналогии поясным наборам, найденным у дер. Литва, в декоративно-прикладном искусстве золотоордынского мира [Крамаровский 2010]. Остается неясным, кто, когда и почему мог спрятать сокровища, принадлежавшие к великокняжеской казне, вдали от Вильны и Трок — главных великокняжеских резиденций³.

2. Иван Ольгимонтович Гольшанский (О. В. Лицкевич). В связи с упоминанием золотого пояса, который, согласно «Мемориалу Витовта», князь Иван Ольгимонтович передал Ягайлу, исследователь отметил: «Возможно, это самое раннее упоминание об одном из 2 серебряных позолоченных поясов, найденных в нач. 1990-х гг. около дер. Литва Молодеченского района и известных сейчас под условным названием “пояса Витовта”» [Лицкевич 2010: 348]. Впоследствии О. В. Лицкевич отказался от этого произвольного отождествления [Лицкевич 2014: 110].

3. Петраш Монтигирдович (В. А. Воронин) [Воронин 2011]. Белорусский историк связал сокрытие клада с произошедшим осенью 1433 г. неподалеку от места обнаружения клада сражением на Копачах, в котором новогрудский наместник Петраш Монтигирдович, преследовавший отступавшие войска Свидригайла, сразился с отрядом киевского воеводы князя Михаила Ивановича Гольшанского и потерпел поражение. В рамках этой гипотезы остается необъяснимым, зачем отряду,

³ Наиболее изящное решение было найдено организаторами выставки «минского» пояса, проходившей в Вильнюсе с 17 апреля по 12 июля 2015 г.: в ее названии говорится о «загадочном поясе эпохи Витовта Великого» [Viduramžių papuošalas].

который *преследовал* отступающие войска противника, а значит, должен был идти налегке, понадобилось брать с собой драгоценности, а затем прятать их.

4. **Хацабей**, ювелир из Молодечна (О. В. Лицкевич) [Лицкевич 2014]. Эта гипотеза основана, по сути, лишь на географической близости места находки клада к Молодечну, где в середине XV в. Казимир Ягеллон пожаловал «Хацабею, кузньцю серебряному, угол с часщом» [LM, 3: 25], а также на восточных элементах в манере исполнения поясных наборов. Согласно этой гипотезе, клад был спрятан примерно тогда же, в середине (второй половине?) XV в. Однако, приведя свидетельства проживания татар под Молодечном, данные об ономастике и генеалогии татар Великого княжества Литовского, О. В. Лицкевич никак не комментирует социальный образ «серебряного кузнеца Хацабея». Даже если допустить, что его услуги пользовались спросом у литовских вельмож, проживавших поблизости, и ценились при господарском дворе, на что указывает пожалование, — был ли он настолько состоятелен, чтобы спрятать два драгоценных пояса и более шести тысяч пражских грошей? Белорусскому исследователю, по-видимому, осталась неизвестной работа Б. Р. Виткаускене, в которой подробно рассмотрена деятельность виленских ювелиров, в том числе ее социальная сторона [Vitkauskienė 2006]. Если принять гипотезу О. В. Лицкевича, то выходит, что Хацабей был очень состоятельным человеком, но это никак не объясняет, почему в «кладе ювелира» отсутствует такой ожидаемый для его профессии компонент, как ювелирный лом. Впрочем, и само понятие «клад ювелира» есть основания рассматривать как весьма проблематичное⁴.

5. **Свидригайло** (С. В. Старикевич) [Старыкевич 2017]. По мнению автора, разобравшего первую, третью и четвертую гипотезы и выделившего их слабые места, клад спрятали Свидригайло и его спутники во время бегства от Сигизмунда Кейстутовича и заговорщиков из Ошмяны (ныне г. Ошмяны Гродненской обл. Республики Беларусь), которое произошло в ночь с 31 августа на 1 сентября 1432 г.; уже 3 сентября Свидригайло был в Полоцке. Эта гипотеза также выглядит произвольной попыткой объединить свидетельства разнородных источников, удачно названных «краткими вспышками в царстве тьмы» [Petrauskas 2003: 23], на этот раз не столько по географическому (ведь нам неизвестен точный маршрут бегства Свидригайла в Полоцк), сколько по хронологическому принципу.

⁴ Согласно консультации Вяч. С. Кулешова (которому приношу искреннюю благодарность), критерии «клада ювелира» в археологии не подвергались необходимому осмыслению; в результате клады, определяемые таким образом, по большей части представляют собой клады ценностей немонетного состава, которые не демонстрируют никакой связи с процессом их производства.

В работах М. Г. Крамаровского о поясном наборе из клада у дер. Литва были тщательно рассмотрены его стилистические особенности, которые позволяют отнести его к предметам восточнокрымского городского, предположительно солхатского, ювелирного дела. Значительно меньше внимания было уделено его уровню в иерархии предметов престижа, социальному облику его заказчика и/или владельца. Действительно ли «пояс Витовта» соответствовал рангу великого князя литовского?

Уже в работе 2010 г. М. Г. Крамаровский коснулся этого вопроса: «Поясные наборы клада у д. Литва уникальны и принадлежат к одной мастерской. По своему не воинскому характеру и выразительным особенностям декора (один из поясов, возможно, охотничий) они могут быть отнесены к **разряду парадных**, принадлежащих сокровищнице весьма состоятельного человека или даже князя» [Крамаровский 2010: 138; выделено в тексте]. Дополнительные наблюдения М. Г. Крамаровский высказал в беседе со мною в феврале 2024 г., проанализировав фотографии «минского» и «лондонского» поясных наборов. Принципиально важен для темы настоящей статьи тезис исследователя о том, что «минский» набор — не роскошный, а лишь призванный производить впечатление роскоши своей массивностью. Об этом, в частности, свидетельствует тот факт, что его бляхи — полые, обрамленные специальными ободками [ср. Лицкевич 2007: 83]. Сами эти бляхи изготовлены не из золота, а из серебра, позолочены и выглядят нарочито массивно. Для крымского социума такой поясной набор — атрибут уровня «выше среднего», но не самого высокого, какой можно себе представить⁵.

Приведенные соображения о социальной характеристике владельца поясов актуальны не только для средневекового Крыма, но и для средневековых Руси и Литвы, на пограничье которых был спрятан клад. На Руси золотые пояса упоминаются уже в домонгольское время [Базилевич 1926: 6–7], а к XIV в. их значение в costume возрастает, о чем можно судить как по дошедшим до нас изображениям [Преображенский 2019: 485], так и по письменным источникам. Хорошо известны свидетельства о принадлежности драгоценных поясов князьям: они упоминаются в завещаниях московских Рюриковичей [Базилевич 1926; Петров 2017: 75–77; Преображенский 2019: 479–485; ср. Юшко 2021: 258]; известен случай на свадьбе Василия II в 1433 г., когда его мать

⁵ Иногда встречается утверждение, что «минский» поясной набор — мужской, а «лондонский» — женский (свадебный?), поскольку на последнем изображены птицы с перевитыми шеями, в которых можно усмотреть свадебную символику [Лицкевич 2007: 81; ср. Крамаровский 2010: 139]. Однако в беседе со мной М. Г. Крамаровский охарактеризовал это утверждение о владельцах поясов как безосновательное.

Софья Витовтовна сорвала с Василия Косого, сына Юрия Дмитриевича, золотой пояс, якобы некогда принадлежавший Дмитрию Донскому и побывавший затем во владении московских бояр [Зимин 1991: 52–54]. Подобную ситуацию мы видим в Новгороде. Так, в послании немцев в Ригу о конфликте с новгородцами 1331 г. упоминаются «триста золотых поясов». Проанализировав контекст этих упоминаний и приведя ряд аналогий, П. В. Лукин заключил, что это — метонимическое обозначение новгородских бояр, которые, очевидно, надевали золотые пояса в те или иные моменты повседневной жизни или по случаю торжеств [Лукин 2018: 342–360]⁶. При этом пояс мог иметь не только символическое и репрезентативное, но и чисто материальное значение: об этом ярко свидетельствует тщательное перечисление таких предметов в завещаниях удельных князей [Базилевич 1926: 21–25, 36, 43–48].

В Литве драгоценные пояса хорошо известны по письменным и визуальным источникам XIV–XVI вв. [Барвенава 2002: 66–68], в частности, по изображениям великих князей литовских Витовта и Сигизмунда Кейстутовичей на их тронных («маестатных») печатях. Как и в Северо-Восточной и Северо-Западной Руси, в Литве драгоценный пояс не был исключительной принадлежностью правителей: так, князь Иван Ольгимонтович Гольшанский, подаривший драгоценный пояс Ягайлу в конце XIV в., не принадлежал к роду Гедиминовичей, по своему экономическому потенциалу стоял значительно ниже московских князей — владельцев поясов, а его княжеский титул, возможно, был недавним приобретением его рода [Polechow, Butyrski 2018]. При раскопках великокняжеского дворца в Вильнюсе были найдены элементы значительно более скромного исполнения из латуни, бронзы, меди и олова, которые можно предположительно отнести к поясным гарнитурам XIV–XV вв.: они находят аналогии в захоронениях того времени. Однако и здесь встретилась серебряная позолоченная накладка в виде двойной лилии [Steponavičienė 2007: 150–154]. С распространением рыцарской культуры в Великом княжестве Литовском повышался престиж золотого

⁶ А. Г. Юрченко в специальной работе отнес эти пояса к атрибутам восточной традиции, а в их владельцах предложил видеть наместников хана Узбека. Отправной точкой его рассуждений служит тезис о том, что «археологических находок золотых поясов XIV в. в Новгороде не зафиксировано» [Юрченко 2015: 20]. Не оспаривая значения пояса в кочевых обществах и политических образованиях и возможности влияния этого обстоятельства на популярность золотых поясов на Руси, отмечу, что их отсутствие среди дошедших до нас предметов материальной культуры еще не может служить аргументом в пользу их привнесения извне. Многочисленные пояса, принадлежавшие московским князьям, не дошли до нас вовсе, и мы ничего не знали бы о них, если бы не их упоминания в завещаниях Рюриковичей. С другой стороны, новгородские золотые пояса упоминаются не только в немецком послании 1331 г., но и в завещаниях московских князей [Базилевич 1926: 13–14, 39–40; Петров 2017: 75–77].

пояса как атрибута рыцаря: отсюда титул *miles auratus*, в рутенском варианте — *рытеръ пасаныи*, ср. польск. *rycerz pasowany*. Служба великому князю Витовту, участие в его походах на Москву, Псков и Новгород давали возможность пройти церемонию посвящения в рыцари и получить такой пояс [Petrauskas 2008: 95, 97, 103–108; Szybkowski 2016]. О значении золотых и позолоченных поясов в литовском обществе позднего Средневековья свидетельствуют упоминания о выкупе за счет королевских средств такого пояса, заложенного литовцем Судимутом (Судимунтом?), и дело о краже золотого пояса у князя Михаила, сына Сигизмунда Кейстуовича, которое в 1427 г. пришлось разбирать дяде его владельца — великому князю Витовту [Rachunki dworu 1896: 161; Vitoldiana, № 210: 188].

Итак, драгоценные пояса из клада у дер. Литва вовсе не обязательно принадлежали владельческому князю. Более того, оба поясных набора этого комплекса — весьма скромные, если сравнивать их с роскошными поясами, известными в материальной культуре Золотой Орды того времени. Это видно особенно ярко при сравнении с Симферопольским кладом, найденным в 1960-х гг. и хранящимся в Государственном историческом музее в Москве. Обнаруженная в его составе пайцца с именем хана Кильдибека, боровшегося за власть и погибшего в начале 1360-х гг., указывает на принадлежность предметов клада должностному лицу высокого ранга. По вероятному предположению М. Г. Крамаровского, это был крымский (солхатский) даругачи Кутлуг-Тимур бек, а сокрытие клада связано с подготовкой к обороне Солхата от войск Мамай в 1365 г. Присутствие в клада женских украшений позволило петербургскому исследователю определить клад как «часть походной семейной сокровищницы крымского наместника и его жены» [Крамаровский 2001: 114–120; Крамаровский 2019: 199–207]. Впрочем, следует отметить соображения В. А. Сидоренко, который предложил считать Симферопольский клад грабительским [Сидоренко 2023]. В контексте темы настоящей статьи внимание привлекают элементы поясных наборов Симферопольского клада — золотого и серебряного, которые М. Г. Крамаровский определял соответственно как венецианский и генуэзский, тогда как А. А. Савченкова обосновала связь второго из них с кругом сиенских ювелиров [Крамаровский 2001: 119, 334–340, кат. 517–595; см. также: Золотая Орда 2019: 410–411, кат. 318]⁷. В отличие от

⁷ Доклад А. А. Савченковой «Серебряный пояс из Симферопольского клада: атрибуция и первоначальное предназначение» на научной конференции «Centum vir artium. К 100-летию со дня рождения Виктора Николаевича Гращенко» (Москва, ГМИИ им. А. С. Пушкина, 22 апреля 2025 г.). Благодарю Д. В. Каштанова за указание на этот доклад, А. А. Савченкову и А. С. Преображенского — за предоставление его материалов.

«минского» и, вероятно, «лондонского» поясных наборов, их элементы изготовлены из золота и украшены сердоликом. Поясные наборы из клада у дер. Литва значительно скромнее, что также заставляет искать владельца этих поясов среди *подданных* великого князя литовского.

Недавно стали известны еще некоторые предметы из клада у дер. Литва, хранящиеся в коллекции В. В. Царенкова в Лондоне. Речь идет не только о втором поясе, но и о трех серебряных ковшах, два из которых снабжены надписями с именем Василия Братошича, размерами соответственно 18,5×13,5×8,5 см и 18,5×14×9 см; еще один — с именем княгини Ульяны, размером 16,6×13×8,3 см⁸. Воспроизведу эти надписи еще раз, отмечая пропущенные резчиком буквы угловыми скобками (тексты надписей сверены по фотографиям)⁹:

† Ковшь пана В(а)силькъвъ Братошича хто іспьеть (т)ому на (з)доровьк

† Ковшь пана Василькъвъ Братошича хто іспьеть тому на здоровьк

† Ковшь княгини Оуляны Васильк(вок) хто іспьеть тому на здо(ро)вьк

Во втором и третьем случаях буквы «ьк» на конце слова «здоровьк» не поместились в собственно круговую надпись и размещены под пельстью, т. е. ручкой ковша, тогда как во втором случае текст надписи поместился на ободке полностью благодаря пропуску нескольких букв. По-видимому, это вызвано сложностью расчета места, необходимого для размещения надписи, наносимой на непластичный материал — возможно, без черновика на отдельном носителе или черновой разметки, имеющейся на ковше князя Владимира Давыдовича [Михеев 2025: 272–273]. Согласно определениям А. А. Турилова, С. М. Михеева и Д. С. Крылова, сообщенным автору настоящей статьи, палеография этих надписей вполне соответствует первым десятилетиям XV в., как и состав монетной части клада (фрагменты надписей на ковшах, призванные дать целостное представление о них с палеографической точки зрения, см. на рис. 1–9).

После того как фотография одного из ковшей была опубликована [Полехов 2015: 313], белорусские коллеги Ю. Л. Борейша и Е. В. Власовец сообщили автору этих строк, что ковши с надписями входили в состав клада у дер. Литва и, вероятно, речь идет о тех же предметах. Это сообщение косвенно подтверждается принадлежностью ковшей и «лондонского» пояса к одному и тому же собранию — В. В. Царенкова. Информация об этом была обнаружена, однако без попытки определить

⁸ К сожалению, мне осталось недоступным издание [Бобровницкая, Костина 2021], в котором опубликованы цветные фотографии ковшей. Информацию о нем см.: [Бобровницкая, Костина].

⁹ Сохраняю «нумерацию» ковшей, принятую в указанной статье И. А. Стерлиговой.

Рис. 1–3. Первый ковш пана Василия Братошича. Собрание В. В. Царенкова, Лондон

Рис. 4–6. Второй ковш пана Василия Братошича. Собрание В. В. Царенкова, Лондон

Рис. 7–9. Ковш княгини Ульяны.
Собрание В. В. Царенкова, Лондон

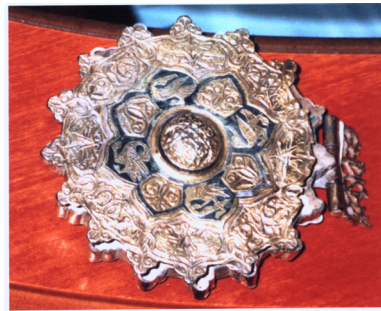
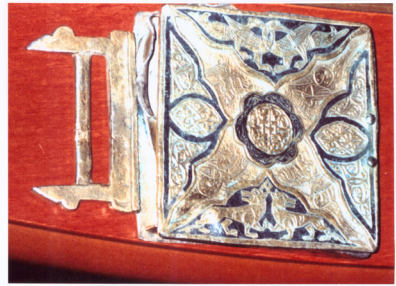

Рис. 10–12. Пряжка и бляхи поясного
набора из клада у дер. Литва.
Собрание В. В. Царенкова, Лондон

политический и социальный контекст сокрытия клада [Стерлигова 2022: 39–40]. Между тем источники дают такую возможность.

Потомки Братоши и обстоятельства сокрытия клада

Принадлежность трех ковшей к рассматриваемому кладу становится еще более объяснимой, если вспомнить происхождение и обстоятельства биографии Василия Братошича. Род Братошичей хорошо известен по источникам. В конце XIV — XV в. Братоша и его потомки, из которых наиболее известен его сын Зеновий Братошич, принадлежали к высшей знати Великого княжества Литовского. Их происхождение не вполне ясно: один источник называет отчество Братоши — Койлутович, которое как будто указывает на литовское происхождение (ср. литов. *kailis* ‘мех’ в сочетании с суффиксом *-ut-*, как в именах *Kęstutis*, *Jaunutis* и др.); позднейшая родословная легенда, имеющая все признаки баснословности, сообщает о принадлежности Братошичей к роду сербских деспотов, живших в Молдавии. Так или иначе, представители этого рода к началу XV в. исповедовали православие: поэтому, несмотря на очень высокое положение в правящей элите Великого княжества, потомки Братоши не были приняты в польские гербовые братства в замке Городло в 1413 г. [Пташицкий 1878; Petrauskas 2003: 217–219; Лицкевич 2014: 52–55]. Для темы настоящей работы важно, что владения Братоши и его потомков находились в окрестностях Молодечна [Vitoldiana, № 73: 74–75] — неподалеку от дер. Литва, где был найден клад. Центром их владений была Мысса (ныне дер. Большая Мысса Сморгонского р-на Гродненской обл. Республики Беларусь) к северо-западу от Крева, примерно на полпути до Сморгони¹⁰.

Василий Братошич менее известен, чем Зеновий, однако один эпизод его биографии отразился в ярком источнике — приговоре суда 1467 г. по делу между полоцким наместником Олехной Судимонтовичем и паном Юрием Ивановичем Зеновьевича¹¹ [LM, 25, № 215: 268–270]. Этот источник недавно стал объектом специального рассмотрения [Груша 2024]. Олехно оспаривал права Юрия на землю за речкой Оленец (площадью примерно 4 км²), населенную крестьянами Лялевицами. В ответ Юрий отстаивал свои права на эту землю, ссылаясь на то, что она принадлежала сначала его деду Зеновию Братошичу, а затем по «делу» (т. е. разделу владений) досталась его дяде Василию Зеновьевичу. У последнего эту землю отобрал великий князь Сигизмунд

¹⁰ О. В. Лицкевич ошибочно считал таким центром Мышь — ныне дер. Старая Мышь Барановичского р-на Брестской обл. [Лицкевич 2014: 53].

¹¹ Здесь и далее дедичество приводится так же, как в источниках, — вслед за отчеством, в форме родительного падежа.

Кейстутович по оговору литовского боярина Судимонта, отца Олехны. Тот заявил Сигизмунду, что Василий держит Кревский замок не на него, а на его соперника Свидригайла: дело происходило, «коли великий князь Жикгимонтъ валчилъ зъ Швитрикгаиломъ», т. е. в период их войны за Великое княжество Литовское в 1432–1438 гг. Свидетели со стороны истца поначалу высказались в его пользу, однако отказались присягнуть, когда этого потребовал Юрий Иванович Зеновьевича. В итоге судьи присудили спорную землю Юрию.

События, упомянутые в приговоре суда, вполне определенно датируются. Судимонт впервые упоминается в должности кревского старосты в литовском акте унии с Польшей в январе 1433 г.; он обвинил Василия в потворстве Свидригайлу, несомненно, в связи с первым походом свергнутого с престола Ольгердовича против Сигизмунда Кейстутовича: в ноябре–декабре 1432 г. Когда позиции Сигизмунда, занявшего великокняжеский престол в начале сентября, на номинально подвластных ему землях были еще очень слабыми, Свидригайло, практически не встречая сопротивления, дошел с большим войском из Полоцка до Ошмяны (в 50 км от Вильни), где и был разгромлен 8 декабря 1432 г. После этого Свидригайло удалился в Витебск, а Сигизмунд, несомненно, предпринял очередные действия по укреплению своих позиций: к их числу и принадлежала смена кревского старосты [Полехов 2015: 312–313].

Как было отмечено выше, села Братошичей располагались именно в той местности, где ныне находится дер. Литва¹², что может служить косвенным подтверждением представленных выше выводов о принадлежности драгоценных поясных наборов, пражских грошей и серебряных ковшей с надписями к одному и тому же кладовому комплексу. По соседству находились и владения Судимонта и его потомков — с центром в с. Хожовая (ныне агрогородок Хожово Молодечненского р-на Минской обл. Республики Беларусь). Правда, дата известного пожалования Сигизмунда Кейстутовича — 15 августа 1434 г. [AGAD, AR, dz. XI, suplement 1 (akta niesygnowane), kopia z 22 V 1558]¹³, однако не исключено, что «это могло быть пожалование новых владений по соседству со старыми» [Petrauskas 2003: 296–297]. Вообще окрестности

¹² К сожалению, время возникновения этого населенного пункта неизвестно. На карте «Беларусь в XVI веке» в «Большом историческом атласе Беларуси», основанной на картолке населенных пунктов М. Ф. Спиридонова, эта деревня не фигурирует [ВГАБ, 1: 116, 219]. При этом название Литва может указывать на ранний период ее возникновения.

¹³ Об этом комплексе источников см.: [Zawadzki 2023]. В этой работе участник процесса 1467 г. ошибочно идентифицирован с Юрием Юрьевичем Заберезинским [Zawadzki 2023: 20].

Крева, важного административного центра с замком, были достаточно плотно заселены, здесь находились имения нескольких знатных родов: так, между Кревом и дер. Литва располагались владения князя Федора Корибутовича — Лоск и Подберезье, а между Полочанами и Молодечном — Груздово, отчина Андрея Саковича; оба в 1432 г. поддерживали Сигизмунда Кейстутовича [Petrauskas 2003: 94, 127, 288; Полехов 2015: 584–585]. Через этот плотно заселенный микрорегион проходили многочисленные дороги [Волкаў 2023], и сокровища должен был спрятать человек, хорошо знакомый с местностью и ее ориентирами, т. е. местный житель¹⁴. Это опять-таки указывает на Василия Братошича и его близких, клиентов или слуг.

Клад был сокрыт явно в расчете на то, что когда-нибудь — и, возможно, довольно скоро — его удастся откопать. Почему же он пролежал в земле еще пять с половиной столетий? Причиной этого могла быть либо смерть людей, знавших о кладе, прежде всего самого Василия Братошича, либо его изоляция (ссылка? заточение?), не позволившая ему извлечь сокровища из земли. Поскольку в 1467 г. за бывшие владения Василия Братошича судился его племянник, то не исключено, что сам Василий в результате событий конца 1432 г. был казнен. Вероятно, этого он и опасался. Не исключено, что эту судьбу разделила его жена, княгиня Ульяна, упомянутая в надписи на третьем ковше, а если у них были дети, то и они: вспомним, что земский привилей великого князя литовского Казимира Ягеллона 1447 г. ограничивал наказание родственников и слуг за преступления, о которых они не знали, случаями измены правителю (*criminibus lese maiestatis solum exceptis*) [CESXV, 3, № 7: 10, § 4]¹⁵. Василия Братошича мог многому научить пример литовских бояр Волимонтовичей, также принадлежавших к высшей знати Великого княжества Литовского: как минимум двое из них были казнены Сигизмундом Кейстутовичем в первые месяцы его правления, когда был раскрыт

¹⁴ Благодарю Н. А. Волкова, который указал на это при обсуждении доклада по теме настоящей статьи.

¹⁵ Известно судебное решение Казимира Ягеллона 1486 г. по тяжбе Юрия Ивановича Зеновьевича с Агафьей, вдовой Олехны Пугача, и их сыном Астафием. Юрий оспаривал подлинность документа, которым его отец записал «отъчизну свою, имень на имя Сутьковское», Олехне Пугачу, выделив оттуда Юрию нескольких человек. Вдова Олехны смогла доказать подлинность документа, запросив показания его свидетелей. Для датировки этого документа существенно, что среди свидетелей фигурирует Андрей Сакович, умерший около 1465 г. [LM, 4, № 97: 123–124]. Не вполне ясно, кем Ивану Зеновьевичу приходился Олехно Пугач: в одном месте он назван его «дядьковичем» (сыном дяди, т. е. двоюродным братом), в другом — «братаничем» (сыном брата, т. е. племянником); согласно выводу А. И. Груши, текст документа передан в Литовской метрике не вполне точно [Груша 2019: 243–248]. В последнем случае Олехно мог быть сыном Василия Зеновьевича.

их заговор против него. Можно вспомнить и расправы Сигизмунда со Свидригайловыми послами к нему и со своими собственными послами к Свидригайлу в конце 1432 — начале 1433 г. А в феврале 1433 г. верховный магистр Тевтонского ордена писал немецкому магистру, что Сигизмунд казнит многих своих людей, а его положение в Литве плачевно [GStAPK, OF 13: 138]. Возможно, на судьбе клада сказалось то обстоятельство, что Сигизмунд Кейстutowич передал владения Василия Братошича оговорившему его Судимонту. Как бы то ни было, клад без носителей знаний о нем оставался «немым», что и предопределило его судьбу.

Казалось бы, зима — не самое подходящее время, чтобы закапывать клад. Но зимой 1432/1433 г. к этому вынуждали Василия Братошича экстраординарные обстоятельства. Чтобы облегчить задачу, можно было выжечь яму в промерзшей почве: так поступали, когда нужно было похоронить умершего зимой. С другой стороны, эта зима была снежной во всей Восточной Европе: источники сообщают об обилии снега на прусско-польском и прусско-литовском пограничье [GStAPK, OBA 6271, 6347; OF 13: 2–3, 5–6, 138], а весной 1433 г. хан Улуг-Мухаммед оправдывался, что его войско, отправленное на помощь Свидригайлу, не смогло продвинуться дальше Киева, поскольку «за снегом не могли далее пойти, снега были велики» [GStAPK, OBA 6430a]. Можно думать, что эта зима была снежной и в окрестностях Кревского замка, что уменьшало степень промерзания земли и облегчало задачу тем, кто закапывал клад.

Сокровища Василия Братошича:

от материальной культуры к социальной истории

Определение состава и принадлежности клада у дер. Литва и точная датировка его сокрытия имеют несколько следствий. Для истории декоративно-прикладного искусства, в данном случае торевтики, это означает, что все предметы получают точный *terminus ante quem* создания. Это особенно актуально для такой разновидности светских пиршественных сосудов, как ковши: долгое время господствовала точка зрения об их автохтонном русском происхождении [см. в особенности: Постникова-Лосева 1953], и лишь в последнее время были отмечены их типологические параллели с аналогичными предметами золотоордынского и постзолотоордынского культурного пространства [Крамаровский 2001: 84–92, 204–205; Стерлигова 2019; Стерлигова 2022], а датировка трех древнейших сосудов, ранее относимых к XII — началу XIII в., была пересмотрена в сторону более поздней: первой половины XIV в. для ковша из Щигровского клада и второй половины XIV в. или даже первой половины XV в. для чары князя Владимира Давыдовича и

ковша Дмитрия Круждовича¹⁶ [Крамаровский 2001: 204–205; Турилов 2009; Стерлигова 2022: 31–32; Михеев 2025: 271–273]. Интересно, что два последних предмета с большой долей вероятности оказываются связаны с Великим княжеством Литовским: отцом Дмитрия Круждовича мог быть литовский нобиль Круждо, один из поручителей за Гридку Константиновича перед Скиргайлом в 1387–1390 гг. [Розов 1928, № 25; см. также: Polechow 2020: 78, 88]; Владимир Давыдович, для которого была изготовлена серебряная чара, согласно гипотезе С. М. Михеева, мог быть городецким князем, упоминаемым в 1433 г.¹⁷ В этом же ряду оказываются и ковши Василия Братошича и его жены Ульяны, и упоминаемые в духовной грамоте угличского князя Дмитрия Ивановича Жилки, брата великого князя московского Василия III (1521 г.), ковши с именами канцлера и смоленского наместника, а впоследствии виленского воеводы Михаила Кезгайловича и короля польского и великого князя литовского Казимира Ягеллона, умерших соответственно в 1476 и 1492 г.¹⁸ [ДДГ, № 99: 411–412; Петров 2017: 54–60, 77–79]. При этом в ковшах Василия Братошича и княгини Ульяны «золотоордынское» начало выражено менее отчетливо, чем в поясных наборах. Независимо от того, когда и каким путем пояса попали к Василию Братошичу (были куплены, преподнесены в качестве дипломатических или иных даров¹⁹, изготовлены местным мастером, работавшим в указанной традиции, получены в наследство и т. д.), Великое княжество Литовское оказывается частью того пространства, на котором происходило взаимодействие художественных традиций Орды и Руси.

И драгоценные пояса, и серебряные ковши были не просто материальными ценностями, в отличие от пражских грошей или серебряных слитков, но предметами, призванными публично демонстрировать богатство и престиж их владельца. Потребность в такой демонстрации

¹⁶ Ранее исследователи относили ковш из Щигровского клада к началу XIII в., чару Владимира Давыдовича — к середине XII в., ковш Дмитрия Круждовича — к первой половине XIV в.

¹⁷ На мой взгляд, предполагаемая принадлежность чары городецкому князю Владимиру Давыдовичу нуждается в дальнейшем изучении и осмыслении с учетом ее провениенции.

¹⁸ Таким образом, эти несохранившиеся предметы созданы в ту же эпоху, что и новгородские ковши посадника Григория Кирилловича Посахно (1428–1436), архиепископов Евфимия II (1429–1458) и Ионы (1458–1470) [Декоративно-прикладное искусство 1996: 270–274, кат. 66–70], которые для М. М. Постниковой-Лосевой служили важным основанием, чтобы видеть родину ковшей в Новгороде [Постникова-Лосева 1953: 7–11].

¹⁹ Здесь уместно привести аналогию с новгородским посольством к Витовту, которое в начале 1427 г. одарило не только его самого, но и его «высших бояр» [LECUB, 7, № 579: 402], и с упоминаниями о дарах Гедиминовичей вельможам [Petrauskas 2003: 201–202].

была обусловлена должностью кревского наместника (старосты), которую занимал Василий Братошич. К началу 30-х гг. XV в. Кревский замок еще не утратил ни оборонительных, ни репрезентативных функций. В 1399, 1417 и 1427 гг. через Крево по пути на Русь проезжал Витовт (разумеется, не один, а с внушительной свитой и слугами) и принимал там посольства [Polechow 2019: 47, 70, 87], а в 1433 г., возвращаясь из литовского похода в свои владения на Русь, замок взял штурмом Свидригайло: следы этого разрушительного штурма обнаруживаются сейчас благодаря раскопкам остатков замка, что позволяет с большим доверием, чем ранее [Полехов 2015: 341], отнестись к рассказу смоленского книжника, писавшего о Свидригайле с явной неприязнью. В начале 1430-х гг. стены замковых помещений по-прежнему украшали росписи, напоминавшие о временах, когда он был один из важнейших центров владений Ольгерда, а затем Ягайла, и местом, где 14 августа 1385 г. было заключено соглашение, изменившее всю дальнейшую историю Восточной и Центральной Европы и вошедшее в историю под названием Кревской унии. Более того, эти росписи подверглись существенному обновлению после пожара 1433 г. [Дзярнович, Мицкунайте 2023: 222–224, 226, 241–242], а уже в августе 1434 г. замок служил одним из центров сбора войск Сигизмунда Кейстуовича [LECUB, 8, № 855]. Обычно исследователи называют Кревский замок заброшенным вслед за Сигизмундом Герберштейном, проезжавшим через него в 1517 и 1526 гг. Между тем сохранился «лист» короля польского и великого князя литовского Сигизмунда Старого 1532 г., в котором говорится, что в это время в замке проживал кревский староста [LM, 17, № 160: 185]. Можно думать, что так же дело обстояло и к 1432 г. А публичный облик и образ жизни кревского старосты должны были соответствовать внушительному замку, вверенному ему в управление.

Однако между поясами и ковшами как средствами репрезентации есть важное различие. Маловероятно, что окружение Василия Братошича считывало все нюансы символического значения и художественных мотивов его поясов, восходящих к тюркской мифологии. Как уже говорилось, украшенный пояс был обычным элементом костюма представителей самых разных социальных групп, а роскошный пояс — атрибутом богатства и высокого социального статуса в культурных традициях и тюркского Востока, и латинского Запада, и православной Руси, поэтому весьма вероятно, что человек того времени, независимо от его принадлежности к той или иной культуре, мог воспринимать в нем нечто близкое и понятное для себя и не придавать значения непонятым нюансам. Надписи же на ковшах, напротив, были адресованы и понятны окружению и гостям их владельца. Для сравнения, не случайно в

уже упомянутом завещании угличского князя Дмитрия Ивановича тщательно перечисляются имена, выгравированные на принадлежавших ему ковшах, а Иван Грозный в послании князю Андрею Курбскому обвинял князей Шуйских в том, что они наносили имена своих предков на сосуды, изготовленные из предметов, взятых из казны его отца и деда: «...казну деда нашего и отца нашего себе поймаша, и тако в той нашей казне исковаша себе сосуды златыя и сребренья и имена на них родителей своих возложиша, будто их родительское стяжание» [Николаева 1976: 206–216; Переписка 1979: 28, 77].

«Обретение владельца» знаменитого клада делает его источником не только по истории материальной культуры, ювелирного дела, денежного обращения, эпиграфики Великого княжества Литовского, но и по социальной истории. В этом плане обращают на себя внимание три момента.

1. Соотношение рода, семьи и личности, трансформации рода в экстраординарных условиях. Надписи на обоих ковшах именуют их владельца Василием Братошичем, хотя в среде тогдашнего высшего боярства была более распространена другая модель именования — по имени-отчеству (*Василий Зеновьевич*) или по имени, отчеству и дедичеству (*Василий Зеновьевич Братошича*). Такая модель свидетельствует о «горизонтальной» структуре рода, который образуют представители одного или нескольких смежных поколений. Исключение среди литовской знати составляют лишь Гаштольды, которые последовательно именовались с этой «фамилией» [Petrauskas 2003: 111–113]. Можно было бы заметить, что трехчастное именование просто не поместилось бы на ковше. Тем не менее пан Василий в надписи — все же не Зеновьевич, а Братошич. Как представляется, это свидетельствует о желании подчеркнуть происхождение из знатного рода, так сказать, принадлежность не к *Berufsadel* по праву держания Кревского замка, а к *Geburtsadel* (впрочем, мы не знаем, когда были изготовлены ковши — до или после назначения на эту должность, т. е. насколько реальна была первая из указанных возможностей). Тексты надписей должны были видеть или слышать гости Василия. Несмотря на столь яркую манифестацию принадлежности к числу потомков Братоши, Василий, очевидно, не сообщил о сокрытии клада другим Братошичам — своему брату Ивану и его родственникам (а если у него были дети, пережившие 1432 г., — то и им), из-за чего клад так и не был извлечен ими из земли, несмотря на то что Иван сохранил значимое положение среди сторонников Сигизмунда Кейстутовича, о чем свидетельствует его участие в очередном подтверждении унии с Польшей в 1434 г. [Petrauskas 2003: 218–219]. Судьба клада свидетельствует об атмосфере недоверия даже среди ближайших

родственников, которое подогревалось обстановкой войны, охватившей страну, поиска предателей и жестоких кар за измену, действительную или мнимую²⁰. В данном случае мы на конкретном примере видим, как род утратил одну из своих функций — память, причем в ее практическом измерении [Petrauskas 2003: 136–140].

2. Матримониальная стратегия Василия Братошича. Очевидно, княгиня Ульяна, для которой был изготовлен ковш в такой же манере, что и для него, — это его жена. Здесь нужно сделать терминологическое отступление и пояснить, что слово «кънагыни» в древнерусском, а впоследствии и в рутенском языке означало не только жену князя, но и дочь князя — княжну [СДРЯ, 4: 359]. Выходя замуж за представителя нетитулованной знати, представительница княжеского рода могла сохранить за собой титул, унаследованный от отца²¹. Так, великокняжеское пожалование начала 40-х гг. XV в. адресовано «кн(е)г(и)ни Кгедикглововои» — Анастасии, вдове Юрия Гедигольда, возможно, дочери князя Юрия Толочки [LM, 3: 30; Petrauskas 2003: 231]. Раз титул княгини мог сохраняться, то при необходимости он мог и специально подчеркиваться. Как уже говорилось, при Витовте Братоша и его потомки по своему политическому весу принадлежали к высшим кругам знати Великого княжества Литовского, но при этом исповедовали православие, в отличие от большинства бояр из окружения Витовта, бывших католиками (их влиятельное положение отразил и закрепил Городельский привилей 1413 г.). Веру предков остался верен и Юрий Иванович Зеновьевича, для которого во время процесса 1467 г. был приглашен православный священник. Известен и его вклад в Киево-Печерский монастырь в

²⁰ Пример Братошичей в этом отношении не уникален. Так, при Сигизмунде сохранил неформальную влиятельную позицию Михаил Кезгайло Волимонтович, хотя он и лишился должности жомойтского старосты, а его братья были казнены за участие в заговоре против нового великого князя в 1432 г. В окружение Сигизмунда вошли бывший виленский воевода Юрий Гедигольд и Ходко Юрьевич, попавшие к нему в плен как сторонники Свидригайла после Ошмянской битвы 1432 г. Раскол в обществе Великого княжества Литовского в годы династической войны, подчас разделявший семьи и роды, наиболее ярко характеризует судьба князей Гольшанских: если Семен Иванович был одним из организаторов свержения Свидригайла с престола, а его сын Юрий Семенович после смерти отца занял высокое место в окружении Сигизмунда, то его брат Михаил Иванович, киевский воевода, остался верен свергнутому великому князю вплоть до казни в конце 1433 г., а другой сын Даниил Семенович участвовал в Вилькомирской битве на стороне Свидригайла [Полехов 2015: 450–451, 576, 581–582].

²¹ Впрочем, в Великом княжестве Литовском XV–XVI вв. так происходило не всегда. Это можно сопоставить с обычаем Московской Руси середины XVII в., описанным Павлом Алеппским: «Вдова, если она княгиня, то выходит только за князя; если же не случится этого, и она выйдет замуж за другого, то лишается титула княгини; Впрочем, ежели у нея есть дети (от первого брака), то не теряет этого титула» (кн. VII, гл. VII) [Павел Алеппский: 35].

1486 г. [Petrauskas 2003: 219]. Мы не знаем, из какого княжеского рода происходила княгиня Ульяна: это имя было столь популярным на Руси, что любые предположения на этот счет [Стерлигова 2022: 40] будут непродуктивными. Здесь можно вспомнить и вторую жену Ольгерда — дочь великого князя тверского Александра Михайловича, и княгиню Иулианию, жену князя вяземского Семена Мстиславича (впоследствии канонизированную Русской православной церковью), и Ульяну Гольшанскую — вторую жену Витовта, и княгиню Ульяну Подберезскую. Ясно одно: и сам этот род, и жена Василия Братошича были православными, как и большинство представителей титулованной знати в Великом княжестве Литовском. Для пана Василия Братошича, знатного, но все же не обладавшего княжеским титулом, женитьба на княжне была делом престижа, она позволяла сохранить и повысить социальный вес и при этом остаться в кругу единомышленников. Наиболее близкой аналогией может служить женитьба Ивана Ходковича на дочери князя Ивана Владимировича Бельского — внучке киевского князя Владимира Ольгердовича; это, несомненно, сыграло роль при назначении Ивана Ходковича на должность киевского воеводы после смерти последнего киевского князя Семена Олельковича в 1470 г. [Petrauskas 2003: 222]. Этим следует объяснять тот факт, что в наборе ковшей с именами владельцев, использовавшихся в публичном пространстве²², по меньшей мере один несет на себе имя не главы семьи, но его супруги.

3. Принадлежность драгоценностей, спрятанных в конце 1432 г. Их состав проливает свет на структуру богатств знатного рода. Обычно они воспринимаются через призму землевладения, поскольку оно хорошо зафиксировано письменными источниками. Движимое имущество, в том числе драгоценности, труднее «уловить» [Бохан, Скеп'ян 2011]. С другой стороны, подобные предметы тщательно отмечались в завещаниях и инвентарях имений; иное дело, что для Великого княжества Литовского такие источники дошли до нас начиная с позднейшего времени, в отличие от Московского княжества, где подобные предметы фигурируют в завещаниях правителей начиная с Ивана Калиты. Впрочем, иногда сведения об этом встречаются в неожиданных источниках: так, из письма холмского старосты Грицка Кирдеевича польскому королю Владиславу Ягайлу 1433 г. мы узнаем о драгоценностях вдовы князя Гурки Федоровича — сына Федора Ольгердовича [Monografia XX. Sanguszków 1906: 81–82], а из послания Сигизмунда III

²² Аналогией могут послужить данные о столовой посуде новгородских архиепископов и посадников 1430–1470-х гг. — архиепископов Евфимия II, Ионы и Феофила, посадников Григория Кирилловича, Василия Александровича, Ивана Офоносова, Луки Федоровича и Михаила Семеновича. Именами некоторых из них было снабжено несколько предметов [Петров 2017: 54–60, 77–79].

дерптскому воеводе Николаю Кишке 1622 г. — о находке драгоценной посуды в одном из имений виленского воеводы и канцлера Великого княжества Литовского Ольбрахта Гаштольда, в котором он скончался в 1539 г. [ОР РНБ, ф. 971, авт. 63/2, № 45]. Эти примеры показывают, что и в XV в., и в первой половине XVI в. драгоценности были важной частью движимого имущества князей и бояр Великого княжества Литовского, репрезентировавшей их знатное происхождение, богатство и влияние. Богатый клад, включавший по меньшей мере два позолоченных серебряных поясных набора, три серебряных ковша и сотни серебряных монет, дает представление о формах богатства знатного — впрочем, далеко не самого знатного и влиятельного — рода из числа высшей аристократии Великого княжества Литовского первой трети XV в.

Сокращенные названия библиотек, древлехранилищ и архивных фондов

ОР РНБ — Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (С.-Петербург).

AGAD — Archiwum Główne Akt Dawnych (Warszawa).

AR — Archiwum Radziwiłłów (Warszawa).

GStAPK — Geheimes Staatsarchiv Preußischer Kulturbesitz (Berlin), XX. Hauptabteilung: Königsberger Archiv, Ordensbriefarchiv.

ОВА — Ordensbriefarchiv (Berlin).

Библиография

Источники

ДДГ

Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв., Черепнин Л. В., подг., Москва, Ленинград, 1950.

Павел Алеппский

Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века, описанное его сыном, архидиаконом Павлом Алеппским, Г. Муркос, пер. с арабского (по рукописи Московского Главного Архива Министерства Иностранных Дел), 3: Москва, Москва, 1898 (= Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете, 3/186, 1898, отд. III, I–IV, 1–208).

Переписка 1979

Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским, Лурье Я. С., Рыков Ю. Д., подг., Ленинград, 1979.

Розов 1928

Розов В., *Українські грамоти. Т. 1: XIV і перша половина XV в.*, Київ, 1928.

CESXV, 3

Codex epistolaris saeculi XV, 3, Lewicki A., ed., Cracoviae, 1894 (= Monumenta mediaevi historica res gestas Poloniae illustrantia, 14).

LECUB, 7–8

Liv-, est- und curländisches Urkundenbuch, 7–8, Hildebrand H., Hrsg., Riga, Moskau, 1881–1884.

LM, 3–25

Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 3 (1440–1498), 3–25, Anužytė L., Baliulis A., par., Karalius L., Antanavičius D. (tekstai lotynų kalba), par., Antanavičius D., Baliulis A., par., Vilnius, 1997–2015.

Rachunki dworu 1896

Rachunki dworu króla Władysława Jagiełły i królowej Jadwigi z lat 1388 do 1420, Piekosiński F., wyd., Kraków, 1896 (= Monumenta medii aevi historica res gestas Poloniae illustrantia, 15).

Vitoldiana 1986

Vitoldiana. Codex privilegiorum Vitoldi magni ducis Lithuaniae, 1386–1430, Ochmański J., wyd., Warszawa, Poznań, 1986 (= Polska Akademia Nauk. Oddział w Poznaniu. Ser. Historia, 8).

Словари

СДРЯ, 4

Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.), 4, Москва, 1991.

Интернет-ресурсы

Viduramžių papuošalas

Viduramžių papuošalas. Mįšlingasis Vytauto Didžiojo epochos diržas (<https://www.valdovurumai.lt/lt/parodos/i/5274/viduramziu-papuosalas-mislingasis-vytauto-didziojo-epochos-dirzas/>)

Бобровницкая, Костина

Бобровницкая И. А., Костина И. Д., *Русское серебро XV–XIX веков из собрания Владимира Царенкова* (<https://kpmuzeon.ru/projects/iskusstvo/russkoe-serebro-xv-xix-vekov-iz-sobraniya-vladimira-carenkova>).

Литература

Базилевич 1926

Базилевич К. В., Имущество Московских князей в XIV–XVI вв., *Труды Государственного Исторического музея*, 3, Москва, 1926, 3–51.

Барвенава 2002

Барвенава Г., Гатычны касцюм Вялікага Княства Літоўскага канца XIII — пачатку XVI ст., *Castrum, urbis et bellum*, Баранавічы, 2002, 45–78.

Бектинеев 2014

Бектинеев Ш. И., *Денежное обращение на территории Беларуси в IX–XVI веках. Нумизматические исследования*, Минск, 2014.

Бобровницкая, Костина 2021

Бобровницкая И. А., Костина И. Д., *Русское серебро XV–XIX веков из собрания Владимира Царенкова*, Москва, 2021.

Бохан, Скеп'ян 2011

Бохан Ю. М., Скеп'ян А. А., *Побыт феадалаў Вялікага княства Літоўскага ў XV — сярэдзіне XVII стагоддзя*, Мінск, 2011.

Варонін 2011

Варонін В. А., Да пытання аб часе і абставінах ухавання грашова-рэчавага скарбу каля вёскі Літва Маладзечанскага раёна Мінскай вобласці, *Studia Numismatica Albaruthenica*, Мінск, 2011, 1/1, 94–106.

ВГАБ, 1

Вялікі гістарычны атлас Беларусі: У 3-х тамах, В. Л. Насевіч, гал. рэд., 1, Мінск, 2009.

Волкаў 2023

Волкаў М. А., *Дарогі з Менска ў Вільню ў XIV–XVIII стст., Мінск і мінчане: дзесяць стагоддзяў гісторыі. Да 955-годдзя горада*, Аляхновіч Р. А., уклад., Мінск, 2023, 50–61.

Груша 2019

Груша А. И., *Кризис доверия? Появление и утверждение правового документа в Великом Княжестве Литовском (конец XIV – первая треть XVI в.)*, Москва, С.-Петербург, 2019.

Груша 2024

Груша А. И., Правосудие для властителя: процесс 1467 г. в контексте социокультурных изменений в обществе Великого княжества Литовского во второй половине XV в., *Груша А. И., Традиция и ее преодоление: Русь и Великое Княжество Литовское в XII – первой трети XVI в.*, Вильнюс, 2024, 70–93 (первая редакция статьи опубликована: *Древнейшие государства Восточной Европы. 2017–2018 годы: Ранние формы и функции письма*, Москва, 2019, 347–367).

Декоративно-прикладное искусство 1996

Декоративно-прикладное искусство Великого Новгорода: Художественный металл XI–XV вв., Москва, 1996.

Дзярнович, Мицкунайце 2023

Дзярнович О. И., Мицкунайце Г., Стенопись Кревского замка XIV века и ее историко-культурный контекст, *Труды Государственного Эрмитажа*, 116: *Монументальное искусство христианского Средневековья: взаимодействие традиций и культур*, С.-Петербург, 2023, 221–248.

Дудко 2023

Дудко О., Нумизматический комплекс пражских грошей из коллекции Музея денег Национального банка Республики Беларусь, *Банкаўскі веснік*, 2023, 11/724, 43–51.

Зимин 1991

Зимин А. А., *Витязь на распутье. Феодалная война в России XV в.*, Москва, 1991.

Золотая Орда 2019

Золотая Орда и Причерноморье. Уроки Чингисидской империи. Каталог выставки, [2 апреля – 6 октября 2019 г., Казань], Москва, 2019.

Крамаровский 2001

Крамаровский М. Г., *Золото Чингисидов: культурное наследие Золотой Орды*, С.-Петербург, 2001.

Крамаровский 2010

Крамаровский М. Г., После Грюнвальда. Крым и ВКЛ по материалам клада из дер. Литва, *Судьбы славянства и эхо Грюнвальда: Выбор пути русскими землями и народами Восточной Европы в средние века и раннее новое время (к 600-летию битвы при Грюнвальде / Танненберге). Материалы международной научной конференции, 22–24 октября 2010 г.*, С.-Петербург, 2010, 136–143.

Крамаровский 2019

Крамаровский М. Г., «Симферопольский клад»: первые владельцы и гипотеза стоимости сокровищницы в XIV в., *Античная древность и средние века*, 2019, 47, 195–209.

Лицкевич 2014

Лицкевич О. В., Поручительство литовско-русской знати за нобиля Братошу Койлутовича (1387–1394 гг.), *Беларуская даўніна*, 1, Минск, 2014, 29–58.

Лицкевіч 2007

Лицкевіч А. У., Таямніца «паясоў Вітаўта», *Беларуская думка*, 2007, 12, 80–85.

Лицкевіч 2010

Лицкевіч А. У., Мемарыял Вітаўта, *Вялікае княства Літоўскае. Энциклапедыя*, 3, Минск, 2010, 348.

Лицкевіч 2014

Лицкевіч А. У., «Срэбны каваль» Хацабей з-пад Маладзечна (XV ст.): яшчэ раз пра магчымае паходжанне срэбных паясных набораў са скарбу каля в. Літва, *Беларуская даўніна*, 1, Минск, 2014, 109–121.

Лукин 2018

Лукин П. В., *Новгородское вече*, изд. 2-е, перераб. и доп., Москва, 2018.

Михеев 2025

Михеев С. М., *Corrigenda epigraphica*, 1, *Русский язык в научном освещении*, 2025, 1/49, 266–288.

Николаева 1976

Николаева Т. В., *Прикладное искусство Московской Руси*, Москва, 1976.

Петров 2017

Петров Д. А., Серебряные изделия, принадлежавшие новгородским архиепископам и боярам, в казне великого князя московского, *Новгородский исторический сборник*, 17/27, Великий Новгород, 2017, 50–81.

Полехов 2015

Полехов С. В., *Наследники Витовта. Династическая война в Великом княжестве Литовском в 30-е годы XV века*, Москва, 2015.

Постникова-Лосева 1953

Постникова-Лосева М. М., *Русские серебряные и золотые ковши*, Москва, 1953 (= Труды Государственного Исторического музея. Памятники культуры, 10).

Преображенский 2019

Преображенский А. С., *Прикладное искусство, История русского искусства, 4: Искусство середины XIII – середины XIV века*, Смирнова Э. С., отв. ред., Москва, 2019, 466–655.

Пташицкий 1878

Пташицкий С. Л., Деспоты Зеновичи в конце XVI и начале XVII веков, *Русская старина*, 1878, 21/1, 125–138.

Рябцевич 2007

Рябцевич В. Н., Клад из деревни Литва в Беларуси, *Иконография денег Средней и Восточной Европы*, Хуменне, 2007, 44–45.

Рябцевич 2009

Рябцевич В. Н., «Период пражского гроша» в рыночной жизни Великого княжества Литовского. (Клад из деревни Литва Минской области), *Средневековая нумизматика Восточной Европы*, 3, Москва, 2009, 178–189.

Сидоренко 2023

Сидоренко В. А., Мамай и Симферопольский клад, *Imperium et barbaricum: взаимодействие цивилизаций. Сборник статей в честь 70-летия Михаила Казанского*, Айбабин А. И., Хайрединова Э. А., отв. ред., Симферополь, 2023, 262–269.

Старыкевіч 2017

Старыкевіч С. В., *Невядомае пра вядомае. (Хто насіў «пояс Вітаўта»? Новая версія)*, Маладзечна, 2017.

Стерлигова 2019

Стерлигова И. А., К изучению «монгольского» периода в истории древнерусской торевтики, *Вестник сектора древнерусского искусства*, 2019, 1, 43–52.

Стерлигова 2022

Стерлигова И. А., К происхождению древнерусских золотых и серебряных ковшей, *Вестник сектора древнерусского искусства*, 2022, 2, 28–49.

Турилов 2009

Турилов А. А., Чара великого князя Владимира Давыдовича — памятник русской культуры XIV столетия, *Московский Кремль XIV столетия: древние святыни и исторические памятники*, Москва, 2009, 393–399.

Юрченко 2015

Юрченко А. Г., «300 золотых поясов» в монгольском имперском контексте, *Mongolica-XIV. Сборник научных статей по монголоведению*, С.-Петербург, 2015, 19–29.

Юшко 2021

Юшко А. А., Семейные ценности и некоторая недвижимость представителей московского великокняжеского дома, *Средневековые искусства и ремесла. К 90-летию со дня рождения Татьяны Ивановны Макаровой*, Москва, 2021, 249–260.

Monografia XX. Sanguszków 1906

Monografia XX. Sanguszków oraz innych potomków Lubarta-Fedora Olgerdowicza X. Ratneńskiego, 1, Radziwiński Z. L., oprac., Lwów, 1906.

Petrauskas 2003

Petrauskas R., *Lietuvos diduomenė XIV a. pabaigoje – XV a.: Sudėtis – struktūra – valdžia*, Vilnius, 2003.

Petrauskas 2008

Petrauskas R., Riteriai Lietuvos Didžiojoje Kunigaikštystėje XIV a. pabaigoje – XVI a. pradžioje, *Istorijos šaltinių tyrimai*, 1, Vilnius, 2008, 91–113.

Polechow 2019

Polechow S., Itinerarium Witolda, wielkiego księcia litewskiego: 4/5 VIII 1392 – 27 X 1430, *Rocznik Lituanistyczny*, 5: Rok 2019, Warszawa, 2019, 9–120.

Polechow 2020

Polechow S., Poręczenie za kniazia Żedywida a wydarzenia lat 1392–1393 w Wielkim Księstwie Litewskim, *Zapiski Historyczne*, 2020, 85/3, 71–104.

Polechow, Butyrski 2018

Polechow S., Butyrski M., Pieczęć kniazia Iwana Olgimuntowicza Holszańskiego, *Inter Regnum et Ducatum. Studia ofiarowane Profesorowi Janowi Tęgowskiemu w siedemdziesiątą rocznicę urodzin*, Białystok, 2018, 441–461.

Steponavičienė 2007

Steponavičienė D., *Lietuvos valdovo dvaro prabanga XIII a. viduryje – XVI a. Pradžioje*, Vilnius, 2007.

Szybkowski 2016

Szybkowski S., Rycerscy goście z Polski na dworze wielkiego księcia Witolda – próba portretu grupy, *Litwa i jej sąsiedzi w relacjach wzajemnych (XIII–XVI w.)*, Pytasz-Kołodziejczyk A., Kubicki R., Radoch M., red., Olsztyn, Gdańsk, 2014, 81–105.

Vitkauskienė 2006

Vitkauskienė B. R., *Złotnictwo wileńskie: ludzie i dzieła. XV–XVIII wiek*, Warszawa, 2006.

Zawadzki 2023

Zawadzki J., Uwagi do genealogii i majątku Sudymuntowiczów herbu Trąby (1434–1490), *Miscellanea Historico-Archivistica*, 30, Warszawa, 2023, 7–28.

References

Barviena H., Hatyčny kaścium Vialikaha Kniastva Litoŭskaha kanca XIII – pačatku XVI st., *Cast-rum, urbis et bellum*, Baranavičy, 2002, 45–78.

Bazilevich K. V., Imushchestvo Moskovskikh knyazei v XIV–XVI vv., *Trudy Gosudarstvennogo Istoricheskogo muzeya*, 3, Moscow, 1926, 3–51.

Bektineev Sh. I., *Denezhnoe obrashchenie na territorii Belarusi v IX–XVI vekakh. Numizmaticheskie issledovaniia*, Minsk, 2014.

Bobrovnikskaya I. A., Kostina I. D., *Russkoe serebro XV–XIX vekov iz sobraniya Vladimira Tsarenkova*, Moscow, 2021.

Bochan Ju. M., Skiepjian A. A., *Pobyt feadalaŭ Vialikaha kniastva Litoŭskaha ū XV – siaredzinie XVII stahodździa*, Minsk, 2011.

Dudko O., Numizmaticheski kompleks prazhskikh groshei iz kolektsii Muzeia deneg Natsional'nogo banka Respubliki Belarus', *Bankaŭski vesnik*, 2023, 11/724, 43–51.

Dzyarnovich O. I., Mickūnaitė G., Stenopis' Krevskogo zamka XIV veka i ee istoriko-kul'turnyi kontekst, *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha*, 116: *Monumental'noe iskusstvo khristianskogo Srednevekov'ia: vzaimodeistvie traditsii i kul'tur*, St. Petersburg, 2023, 221–248.

Grusha A. I., *Krizis doveriya? Poyavlenie i utverzhenie pravovogo dokumenta v Velikom Knyazhestve Litovskom (konets XIV – pervaya tret' XVI v.)*, Moscow, St. Petersburg, 2019.

Grusha A. I., Pravosudie dlya vlastitelya: protsess 1467 g. v kontekste sotsiokul'turnykh izmenenii v obshchestve Velikogo knyazhestva Litovskogo vo vtoroi polovine XV v., *Grusha A. I. Traditsiia i ee preodolenie: Rus' i Velikoe Knyazhestvo Litovskoe v XII – pervoi treti XVI v.*, Vilnius, 2024, 70–93.

Kramarovskii M. G., The “Simferopol treasure”: Its First Owners and Interpretation of the Value of This Treasury in Fourteenth Century, pervye vladel'tsy i gipoteza stoimosti sokrovishchnitsy v XIV v., *Antichnaya drevnost' i srednie veka*, 2019, 47, 195–209.

Kramarovskii M. G., Posle Griunval'da. Krym i VKL po materialam klada iz der. Litva, *Sud'by slaviansstva i ekho Gryunval'da: Vybory puti russkimi zemlyami i narodami Vostochnoi Evropy v srednie veka i rannee novoe vremia (k 600-letiiu bitvy pri Gryunval'de / Tannenberge). Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. 22–24 oktyabrya 2010 g.*, St. Petersburg, 2010, 136–143.

Kramarovskii M. G., *Zoloto Chingisidov: kul'turnoe nasledie Zolotoi Ordy*, St. Petersburg, 2001.

Lickievich A. U., “Srebnny kaval” Chatsabei z-pad Maladzechna (XV st.): iashche raz pra mahchymae pachodzanne srebnnykh paiasnnykh naborau sa skarbu kala v. Litva, *Belaruskaia daŭnina*, 1, Minsk, 2014, 109–121.

Lickievich A. U., Memaryial Vitaŭta, *Vialikae kniastva Litoŭskae. Entsyklopedyia*, 3, Minsk, 2010, 348.

Lickievich A. U., Taiamnitsa “paiasoŭ Vitaŭta”, *Belaruskaia dumka*, 2007, 12, 80–85.

Litskevich O. V., Poruchitel'stvo litovsko-russkoi znati za nobilia Bratoshu Koilutovicha (1387–1394 gg.), *Belaruskaia daŭnina*, 1, Minsk, 2014, 29–58.

Lukin P. V., *Novgorodskoe veche*, 2nd ed., Moscow, 2018.

Mikheev S. M., Corrigenda epigraphica, 1, *Russkij yazyk v nauchnom osveshchenii*, 2025, 1/49, 266–288.

Nikolaeva T. V., *Prikladnoe iskusstvo Moskovskoi Rusi*, Moscow, 1976.

Petrauskas R., *Lietuvos diduomenė XIV a. pabaigoje – XV a.: Sudėtis – struktūra – valdžia*, Vilnius, 2003.

Petrauskas R., Riteriai Lietuvos Didžiojoje Kunigaikštystėje XIV a. pabaigoje – XVI a. pradžioje, *Istorijos šaltinių tyrimai*, 1, Vilnius, 2008, 91–113.

Petrov D. A., Serebrianye izdeliia, prinadlezhavshie novgorodskim arkhiepiskopam i boiaram, v kazne velikogo kniazia moskovskogo, *Novgorodskii istoricheskii sbornik*, 17/27, Veliky Novgorod, 2017, 50–81.

Polechow S., Butyrski M., Pieczęć kniazia Iwana Olgimuntowicza Holszańskiego, *Inter Regnum et*

Ducatum. Studia ofiarowane Profesorowi Janowi Tęgowskiemu w siedemdziesiątą rocznicę urodzin, Białystok, 2018, 441–461.

Polechow S., Itinerarium Witolda, wielkiego księcia litewskiego: 4/5 VIII 1392 – 27 X 1430, *Rocznik Lituanistyczny*, 5: Rok 2019, Warszawa, 2019, 9–120.

Polechow S., Poręczenie za kniazia Żedywida a wydarzenia lat 1392–1393 w Wielkim Księstwie Litewskim, *Zapiski Historyczne*, 2020, 85/3, 71–104.

Polekhov S. V., *Nasledniki Vitovta. Dinasticheskaya voyna v Velikom knuazhestve Litovskom v 30-e gody XV veka*, Moscow, 2015.

Postnikova-Loseva M. M., *Russkie serebrianye i zolotyie kovshi*, Moscow, 1953 (= Trudy Gosudarstvennogo Istoricheskogo muzeia. Pamyatniki kul'tury, 10).

Preobrazhensky A. S., Prikladnoe iskusstvo, *Istoriya russkogo iskusstva*, 4: *Iskusstvo serediny XIII – serediny XIV veka*, Smirnova E. S., ed., Moscow, 2019, 466–655.

Ryabtsevich V. N., “Period prazhskogo grosha” v rynochnoi zhizni Velikogo kniazhestva Litovskogo. (Klad iz derevni Litva Minskoj oblasti), *Srednevekovaia numizmatika Vostochnoi Evropy*, 3, Moscow, 2009, 178–189.

Ryabtsevich V. N., Klad iz derevni Litva v Belarusi, *Ikongrafiia deneg Srednei i Vostochnoi Evropy*, Humennė, 2007, 44–45.

Sidorenko V. A., Mamai i Simferopol'skii klad, *Imperium et barbaricum: vzaimodeistvie tsivilizatsii. Sbornik statei v chest' 70-letii Mikhaila Kazanskogo*, Aibabin A. I., Khaireidinova E. A., eds., Simferopol, 2023, 262–269.

Starykievich S. V., *Neviadomae pra viadomae. (Chto nasiŭ pojas “Vitaŭta”? Novaiia versii)*, Maladzechna, 2017.

Steponavičienė D., *Lietuvos valdovo dvoro prabanga XIII a. viduryje – XVI a. Pradžioje*, Vilnius, 2007.

Sterligova I. A., Studying the “Mongolian” Period in the History of Old Russian Toreutics, *Bulletin of the Russian Medieval Art Department*, 2019, 1, 43–52.

Sterligova I. A., To the origin of ancient Russian gold and silver ladles, *Bulletin of the Russian Medieval Art Department*, 2022, 2, 28–49.

Szybkowski S., Rycerscy goście z Polski na dworze wielkiego księcia Witolda – próba portretu grupy, *Litwa i jej sąsiedzi w relacjach wzajemnych (XIII–XVI w.)*, Pytasz-Kołodziejczyk A., Kubicki R., Radoch M., eds., Olsztyn, Gdańsk, 2014, 81–105.

Turilov A. A., Chara velikogo kniazia Vladimira Davydovicha – pamiatnik russkoi kul'tury XIV stoletiya, *Moskovskii Kreml' XIV stoletiya: drevnie sv'atyni i istoricheskie pam'atniki*, Moscow, 2009, 393–399.

Varonin V. A., Da pytaniiab chase i abstavinach uchavannia hrashova-rechavaha skarbu kala vioski Litva Maladzechanskaha raiona Minskai vob-

lastsi, *Studia Numismatica Albaruthenica*, Minsk, 2011, 1/1, 94–106.

Vitkauskienė B. R., *Złotnictwo wileńskie: ludzie i dzieła. XV–XVIII wiek*, Warszawa, 2006.

Voľkaŭ M. A., Darohi z Menska ŭ Vilniu ŭ XIV–XVIII stst., *Minsk i minchanie: diesiats stahoddziaŭ historyi. Da 955-hoddzia horada*, Alachnovič R. A., ed., Minsk, 2023, 50–61.

Yurchenko A. G., 300 “zolytykh po yasov” v mongol'skom imperskom kontekste, *Mongolica-XIV. Sbornik nauchnykh statei po mongolovedeniiu*, St. Petersburg, 2015, 19–29.

Yushko A. A., Famil'nye tsennosti i nekotoraia nedvizhimost' predstavitelei moskovskogo velikokniazheskogo doma, *Srednevekoye iskusstva i remesla. K 90-letiiu so dnia rozhdeniia Tat'iany Ivanovny Makarovoi*, Moscow, 2021, 249–260.

Zawadzki J., Uwagi do genealogii i majatku Sudymentowiczów herbu Trąby (1434–1490), *Miscellanea Historico-Archivistica*, 30, Warszawa, 2023, 7–28.

Zimin A. A., *Vitiaz' na rasput'e. Feodal'naiia voina v Rossii XV v.*, Moscow, 1991.

Сергей Владимирович Полехов, кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
Школы актуальных гуманитарных исследований
Института общественных наук
Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ
119606, Москва, пр. Вернадского, д. 82, стр. 9
Россия / Russia
sergey.polekhov@gmail.com

Received May 26, 2025